

М.А. Пронин

Водка-менеджмент, или Антропология русского застолья

Уж если говорить начистоту, предлагаемая статья не является ни эпатажем, ни шуткой. Разговор пройдет вполне серьезный с вполне прагматичными целями.

Руководители умеют пить. Российские – в особенности. Конечно, здоровье руководителю помогает. Среди руководителей люди со слабым здоровьем, как и со слабым типом нервной системы, не встречаются.

Психофизиологическая врожденная наделенность руководителей силой, конечно, в их умении пить важна. Вполне уместно знание ими правил поведения и приличия за столом. Но в целом все это мало помогает искусству питья.

Главное, что выделяет руководителей среди других, – это их способность интуитивно улавливать динамику событий за столом и пользоваться неписаными правилами застольной жизни. Обывательские знания, умения и навыки в застольном мире не те оси координат, что придают остойчивость руководителю в этом пространстве. При раскрытии метафизики российского алкогольного стола можно будет увидеть, что почти все современные теоретические модели управления, как западные, так и отечественные, в системном плане характеризуются меньшим разнообразием, чем пространственные конфигурации российского задушевного застольного разговора. Общеизвестно, что неписанные правила открываются отнюдь не всегда и не каждому. Причем чаще всего в изустной коммуникации. Иными словами, они относятся к сокровенному знанию.

Во время короткого «откровения» приоткроется дверь в интимный мир развертывания коллективной телесности, сознания и личности в духовном пространстве застольной встречи. В мир превращений и движений времени за российским столом, что не менее занимательно и уж совсем не очевидно. Вообще, настоящая «пьянка» определяется совсем не дозой выпитого. Раскрытие ее антропологической анатомии направлено на углубление понимания интимных, скрытых пружин, дающих дополнительную мощь российским управленцам. Западные коллеги, возможно, поймут, что русскую водку они по настоящему еще не пили. Думается, что многим российским руководителям станет стыдно, что «слона-то» за столом они никогда и не видели. Иными словами, если говорить прагматичным управленческим языком, речь пойдет о философии управления, ее парадигматике: где стоять, о чем думать, куда идти и что делать. Или не делать.

Тема статьи жизненная. Любой руководитель знает, что его человеческий посыл должен быть сильнее, шире и глубже профессионального: именно это привлекает к нему людей, время, пространство и блага. А посему статья поможет руководителям в проработке философии своей жизни: в умении видеть, находить и выстраивать правду и красоту человеческих отношений.

Кроме того, любой долгожитель вписан в ландшафт жизни. Поэтому настоящая работа направлена на укрепление виртуса профессионального и личного долголетия российских руководителей.

Ну, и наконец, еще одно предупреждение. Жанр статьи – рассказ от первого лица.

Существует много категорий людей, как мы понимаем классификации таковых. Но есть проповедники, а есть исповедники, страдальцы...

Ян Вениаминович Чеснов – мой старший коллега и во многих жизненных вопросах авторитет – как-то сказал:

– Ты, Михаил, исповедальный человек вообще-то.

– А что это такое?..

– Ты, – говорит, – рассказываешь только про то, что сам пережил. А очень много тех и всяких, которые начитаются книжек, а потом это все пересказывают.

Так вот, я буду рассказывать про то, что сам пережил, осознал и понял. Поэтому, уж извините, не смогу обойтись без зарисовок с натуры.

Как у вас там сеют брюкву – с кожурою али без?

– Тимофеич! Дома? – донеслось с улицы.

Я приехал к отцу в деревню как раз к полудню, и мы сели на веранде обедать.

- Дома, заходи, Николай Юрьевич! – отозвался отец.

В дверь заглянул местный житель:

– Тимофеич, выйди на минутку!

– Ко мне, видишь, сын только что приехал, обедаем – зайди к вечеру. Не обижайся.

– Да ко мне тоже сын приехал! Мне тоже к обеду, выйди – надолго не задержу!

– Что, так срочно?

...

– Ну, Тимофеич, – выйди! Я тебя прошу.

...

Отец с раздражением встал из-за стола, мать стала звать гостя отобедать. Тот отказался. Отец вышел.

Мамуля принялась меня с дочерью потчевать. «Отец как всегда пропал – сели обедать, а его нет!» – злилась мать.

Наконец отец вернулся. Сел за стол.

– Опять все остыло! – вырвалось у мамы. – Толь, чего Николай заходил? Чего так срочно? И ты зачем пошел!?

– Да сын к нему тоже приехал! Я ему картошки дал.

– А!.. Чего, подождать не мог?

– Да тоже обедать собираются! Понять можно. Ну, ладно, Миш, как дела?

Пошел застольный семейный разговор: сын, внучка приехали погостить. Какие новости, как мы доехали, как они в деревне летом живут и пр.?

По ходу разговора я озадачился вопросом:

– Пап, а что у Николая картошки нет?

– Нет.

– Как нет? Середина лета, и уже нет? Закончилась?

– Да у него и в начале лета не было.

– Не понимаю? Что, он картошку не садит?

- Садит.
- ...? Чем твоя картошка отличается?.. Сорт другой?
- Такой же.
- И он к тебе за картошкой пришел?
- Сам видишь. Пришел.

...

- Не понимаю, пап.
- Ты – сын – спрашиваешь, что я делаю? А ты вообще-то видишь, что я делаю? Вон выйди посмотри на огород!.. Выйди, выйди!
- Да пусть сидит ест! Миш, не ходи, – вмешалась мать.
- Не мешай. Пойдем вместе посмотрим. А ты пока нам как раз второе подашь.

Мы вышли в сад. За ним начинался огород.

Июль, «макушка» лета, и начало августа в средней полосе России – особое время. Прогретая земля. Знойное солнце. Воздух горячий-горячий – прямо обволакивает. Желтеющая на солнце трава и благодатная тень с ку-сочком прохлады. Цветы. Сады с первыми яблоками. Малина уже прошла. Земляника и черника в самом ходу. Смородина подходит. Лепота.

- Ну что, видишь? Вот это что?
- Чистая поляна, – отвечаю.
- А это?
- Да хлеб посеян. То, что не овес – точно. А так – не отличи издалека.
- Пшеница. Что скажешь теперь?
- Зачем тебе пшеница?
- Миш, мне она не нужна. Я ее перепахиваю, а потом на этом месте картошку сажаю.

А поляна – это пары. Перепахиваю и озимые засеваю. И место посадки картошки тоже меняю... Тебе картошка понравилась?

- Даже без масла ел.
- Вот, вот!
- И что, никто кроме тебя так картошку не сажает в деревне?
- Конечно! Дураков нет – сколько раз надо заплатить трактористу? А за зерно? Золотой выходит.
- А с плохой что делаешь? – брякнул я.
- Плохой нет. А из прошлогдней, что на посадку не пошла и не дое-ли до молодой... – самогон мне из нее гонят!

...

- На четвертый год?

...

- Да.

- ...
- Как коньяк получается?
 - Не коньяк, но не хуже.
 - Так Николай за этой картошкой приходил?
 - За ней, за ней!

Вообще Николай – местный «кулак» и при советской власти, и при нынешней. Потомственный.

В деревне все знают всех. Отец, хоть и ездит в деревню уже более сорока лет, считается «дачником». Правда, как говорят некоторые «ключевые» жители, он единственный из дачников, которого они уважают.

Первый двухэтажный дом, что построен в деревне, – у отца. Деревянный брус, двадцатка.

Николай, что заходил, поставил себе двухэтажный кирпичный... гараж.

– Николай, а зачем тебе гараж со вторым этажом? – спрашиваю я у него.

– Да летом иногда хожу на втором этаже спать – если поздно приезжаю, – отвечает он.

– Слушай, у тебя дом, у жены у отца дом, один он в нем живет, мать твоя одна в доме живет, и все дома огород к огороду. Зачем в гараже спать? Молчит.

Другая задача: все должны видеть, что он – хозяин не хуже москвичей: у него тоже есть два этажа!

Деревня российская развивается через подражание, через «обезьянничанье» в хорошем смысле этого слова. Построит кто-нибудь летнюю кухню – постепенно все начинают кухнями обзаводиться. Поставит кто-то баню во дворе – все друг за другом ставят.

В советское время в Белоруссии так деревни обновляли: ставили новые дома на въезде и на выезде из деревни. Постепенно вся деревня начинала строиться. «Строится» – это слово такое, означающее то, что имярек строит себе новое жилье.

Самое страшное в деревне быть первым и последним. Первым – жена одернет: «Сиди, дурачина, простофиля, куда лезешь!» Последним – опять же жена: «Чего сидишь, у всех уже есть, и нам бы давно пора!..»

Скажете: на то она и деревня! Ну-ну. И я так думал, пока в Философском поезде по стране не проехал¹.

Как-то меня пригласили выступить в МГТУ имени Н.Э.Баумана. Тема конференции была «Инновации...». Много я там слушал про нанокибернетику, наноэлектронику, нанотехнологии... Интересно. Но как-то не очень весело все проходило...

Послушал, посмотрел я на все это и говорю: «Коллеги, я мало чего буду говорить про нанотехнологии, но проблемы развития инновационной сферы России стары как наш национальный мир. Если Вы начнете правильно что-либо делать, по-настоящему, то окажется, что ваш продукт либо никому не нужен, либо никто вам за него не сможет заплатить справедливую цену». И рассказал им историю с картошкой и самогоном... Народ, что называется, проняло... Через пару дней мне позвонил один из молодых организаторов конференции и поделился своим решением, что больше заниматься инновациями он не будет. История с самогоном уж больно отрезвляюще подействовала.

Откуда приходит гость?

Гость и хозяин – фигуры сакральные в пространстве жизни.

Вообще в русских деревнях, когда люди приходят сами, когда их не звали, они в дом не заходят, а топчутся где-то на улице. Не принято заходить. Даже если тебя пригласят, то все равно человек старается не заходить. Тем более, если предложат пройти в горницу. В чистую половину ты его даже за руку не затащишь, потому что это не положено – ты же не в гости пришел...

Приезжаю к своему двоюродному брату на его свадьбу в дом к его будущей жене. Семья грузинская, старинная, интеллигентная. Из поколения в поколение они в Питере живут не один десяток лет, с конца XVIII в. Мама будущей жены говорит: «Михаил, оставайтесь у нас ночевать. Никуда не ездите, оставайтесь». Я соглашаюсь. Она меня кладет в кабинет к своему отцу. Папы ее уже давно нет в живых. Я понимаю, глядя на этот кабинет, что он нежилой какой-то, хотя там стоит диван, покрытый старинным грузинским ковром, валик под голову. Ночую. И на следующий день свадьба.

¹ Пронин М.А. Дары востока – аршин российский // Филос. науки. 2009. № 7. С. 169–186.

Вечером уже молодая жена говорит:

– Миша, вы знаете, я так на вас смотрю, что-то вы маме очень понравились.

– Да? С чего вы взяли?

– В комнате у бабушки после его смерти никто никогда ни разу не ночевал. Вы там первый легли. Мама в его комнату никого никогда не пускала.

После свадьбы я уехал, на второй день не остался ночевать. Как-то, честно говоря, и не захотелось после такого откровения. Но где-то дней через пять – шесть я вновь приезжаю в семью двоюродного брата, и меня оставляют ночевать. Но в этот раз меня уже не кладут в кабинет. Я благополучно сплю в общей комнате на диване, а в том кабинете живут молодые, там уже другая жизнь кипит. Уже другая судьба. Другая семья, другое пространство. Вообще все другое.

Поделился этой историей с Я.В.Чесновым, на что он дал мне разъяснение. Настоящего гостя кладут на место покойного, если человека принимают как гостя. Гость, согласно народным поверьям, приносит хозяину блага. Шесть оставляет хозяину, а одно забирает с собой...

Получается так, что можно зайти к кому-то в дом, но так и не стать гостем.

И вообще приход гостя является сакральным событием в жизни семьи. После этого начинается какое-то новое время.

Более того, по рассказу все того же Я.В.Чеснова, в Сибири человек обязан зайти в первый на его пути дом, чтобы попроситься на ночлег. Ни в коем случае не выбирать – это неэтично! Он должен зайти «куда-нибудь» в связи с значимой ролью гостя (ведь он несет благо!).

Поэтому многие из нас в гостях бывали не раз, но гостями так никогда и не были...

История эта имела и застольное продолжение. Но я уже имел необходимую теоретическую подготовку.

Как-то уехал я в командировку в далекий регион. В конце работы в этом далеком регионе нас пригласили в баню. Я через какое-то время понял, что в последовавшем застолье принимает участие мэр города...

В конце-концов доходит очередь и до дорогих гостей – с ответным словом. Не только мы там были, а целая «группа товарищей».

Потихоньку «очередь» движется в мою сторону. Я про себя прикидываю, что можно, нужно, должно и что хочется сказать...

Предоставляют слово мне. Встаю. Но меня вдруг опережает один из сидящих во главе стола.

– А ты кто такой? – спрашивает он на ты, причем не очень-то ласково.

– Я?..

– Да, ты!!

– Я, – отвечаю, – гость. А гость, согласно народным поверьям, приходит из царства мертвых!..

Выдерживаю паузу.

Коллега, что привезла меня в регион, медленно начинает вжиматься в стол. Тишина наступила буквально гробовая.

– Гость и хозяин – фигуры сакральные в пространстве жизни, – продолжил я. – И гость приносит с собой семь благ. Шесть оставляет хозяину. Одно забирает с собой...

Спросивший было попытался как-то среагировать на мой ответ. Но мэр его остановил движением руки: «Пусть говорит!»

Пришлось мне шесть благ «доставать на ходу» и говорить о том, какое я «увожу» с собой.

Потом оказалось, что я так ответил представителю региона в Совете Федерации... Сенатору.

Чтобы выпить за сказанное – поднялись все. И сенатор тоже. Но в глаза он мне больше не смотрел.

Откуда такая тема – про водку?

Тема «Водка-Менеджмент» мне показалась несколько лет назад достаточно интересной. Обычно я чем-то занимаюсь, когда самому интересно – это раз. А второе – то, что мне интересно, иногда преподношу в виде подарка.

Впервые тему эту я преподнес несколько лет назад как подарок своим зарубежным коллегам.

В 2006 гю в Москве проходила XIV Международная конференция «Open Space On Open Space» – «Открытое Пространство об Открытом Пространстве». К нам собрались более 60-и специалистов со всего мира по работе с большими группами людей.

Вы, наверное, не знаете, что это такое? Одна из технологий, с которыми они работают, – «Открытое Пространство». И таких практиков мы здесь в Москве и принимали. Раз в год они собираются в одной из стран по всему миру и обсуждают то, что их реально волнует. Среди наших гостей были профессионалы, которые проводили конференцию численностью в 2300 участников. Вообще к нам приехали из Австралии, из США, из Канады, из Норвегии, Финляндии, Германии, России, Украины, Турции, Непала, Китая, Тайваня.

Представитель Непала жил у меня дома. Звали его Нетра. Фамилия Кепфле. Естественно, я его принимал, как родного. И как над родным немного подшучивал, подтрунивал. Старался чем-то удивить.

– А какая у Вас соль в Непале? – спрашиваю.

– Обычная, белая.

А я в ответ говорю:

– У нас в России – черная.

Кто видел черную соль в России? Есть люди, которые видели. То есть я уже не вру во всяком случае. Доставал черную соль с полки. Это национальный наш продукт. Обычное дело на русском севере, в костромской губернии... Те, кто черную соль никогда не видел, уже не могут считаться россиянами, потому что у них где-то корень оборван. Шучу конечно. Но угощал непальца черной солью.

Потом задал ему вопрос:

– Скажи, пожалуйста, у Вас в Непале мед есть?

Он говорит:

– Да, конечно.

Скажи, пожалуйста, а огурцы у Вас растут? – продолжаю интересоваться.

– Растут.

– А ты знаешь, как русские едят мед? С огурцами!

– Мы никогда не пробовали.

– Давай сейчас попробуем. Поели мед со свежими огурцами.

Садимся пить чай.

Скажи, пожалуйста, у Вас сахар какой?

Гость уже чувствует подвох и говорит:

– Есть коричневый, тростниковый, а есть белый, рафинированный.

Я говорю:

– У нас есть еще зеленый, только он очень-очень сладкий. В свое время у нас сахар выпускали повышенной «сладкости». Он раз в 5 или в 10 слаще обычного. И чтобы его отличить, не перепутать с обычным, его окрашивали, уж я не знаю чем, то ли чаем, то ли еще чем-то. В общем, он зеленого цвета. Накормил я его этим зеленым сахаром.

Он говорит:

– Да, действительно, очень сладкий.

Но он все равно меня «срезал». Оказывается, у его отца, живущего в сельской местности, кроме поля, есть еще и лес. И в этом лесу водятся носороги.

Я, конечно, знал, что кроме африканских носорогов есть носороги и азиатские. Но про азиатских я как-то призабыл.

Когда человек, отвечая на вопрос: «А у нас в квартире – газ. А у вас?», – говорит, что «у моего папы на участке в лесу носороги живут», конечно, это становится немножко обидно. Но тем не менее понимаю, что это была «мсть» за черную соль, мед с огурцами и зеленый сахар. Три дня гость искал адекватный непальский ответ на русские разносолы...

И вот тогда, желая взять реванш, я угостил всех участников конференции российским самогоном, провел мастер-класс на тему «Водка-менеджмент» и рассказал о метафизике русского застолья.

Последствия «переживаю» до сих пор. Когда иностранные коллеги меня характеризуют как партнера, то обязательно скажут про «лунный свет» (так на английском называется самогон) и про то, что меня надо при встрече «раскрутить» на рассказ про водку...

Какой первый тост?

В деревнях, если вы пришли незванным, то всего лишь в одном случае вы можете сразу же пройти в дом, причем без спросу, подойти к столу и сесть. В том случае, когда идут поминки. Считается, что тебя «пригласил» покойный и ты можешь зайти, ни у кого не спрашиваясь, пройти. Понятно, что вытереть ноги, снять шапку, зайти, сесть за стол и начать делать то, что ты должен делать. Во всех остальных случаях поход в гости – это всегда (опять же без приглашения) поход к человеку, который для тебя достаточно родной. А в чем родня? Родня, конечно, в какой-то общей телесности

прежде всего. И поэтому метафизика российского застолья всегда начинается с того, что мы видим друг друга. И первый тост какой у нас обычно?

- За встречу!
- За знакомство!
- Здорово, что собрались!

А если мы с утра уже, что называется, нагляделись друг на друга на работе, а вечер хотим продолжить за столом? Все равно: «Ну... – за нас!» – первый тост. Так ведь?

Тогда первый тост, собственно говоря, это тост за общую телесность, за нас с Вами. Первый шаг в организации совместного пространства застолья – это «создание» совместной общей телесности.

Что такое общая телесность?

Телесность – как раз тот самый «слон», которого, как правило, люди за столом и не примечают.

Но продолжим. И если мы подходим к кому-то, когда мероприятие, или на современном языке «коктейль пати», уже идет и маленькая группа товарищей стоит, то встреча начинается с того, что тебя видят и тебе наливают. Есть у тебя рюмка или фужер и есть ли что-то в них или нет – все равно: тебя увидели и тебе добавили общинного, общего, включив полноправным (полновооруженным) участником разговора.

Если поговорить про то, что «тебя увидели», разобрать подробнее феномен «узрения» (творение мира рассматривать не будем, как и обращение Авраама к Богу: «Хиннани! – Узри меня!»), то на некоторых языках – кросс-культурные отличия и параллели – кто-то говорит при встрече «добрый день», кто-то желает здоровья «здравствуйте», а у кого-то на языке приветствие означает «я тебя вижу». Буквально. В частности на некоторых кавказских языках или на зулусском («сан бананью») в Южной Африке.

У некоторых народов когда мужчина видит женщину и когда говорит: «Я тебя вижу» («Сара бара бзиу узбойт!» – на абхазском языке, пример Я.В Чеснова), это тоже означает простую вещь: это объяснение в любви.

Я тоже вспоминаю, как-то ехал на работу, был тогда еще совсем молодым. Еду в троллейбусе, весна, смотрю: девушка какая-то едет. Вместе в одном и том же учреждении работаем. И тут я ее увидел и думаю: «О какая!» А так три года ездим, друг на друга смотрим, но не замечаем, а тут я вдруг увидел ее...

Поэтому первый шаг, конечно, это «я тебя вижу» и формирование общей телесности. Поэтому в гости мы можем поехать опять же только к тому, кто представляет какую-то нашу общую, совместную телесность. Или чем-то дополняет нашу телесность до целостности.

Как такое «дополнение» происходит? Вот коротенькая новелла из жизни.

Почем сейчас верблюды в Заире?

Рассказывал уже не раз, что меня поражают или, скорее, завораживают люди, которые «вписаны» в пространство жизни.

Представьте: май-июнь, солнышко, московский троллейбус, Бульварное кольцо. Он грохочет, трясется, медленно ползет. Еду я и Чеснов Ян Вениаминович... У нас взаимообмен идет с ним очень интересный. Вообще он человек недюжинного опыта, и, на мой взгляд, один из крупнейших современных антропологов-практиков. И Андреев Игорь Леонидович – африканист.

Андреев знает языки шимпанзе, горилл. Он член нескольких королевских родов африканских племен. Его приняли. Он – принц.

Значит, как-то едут виртуалист, африканист и антрополог в жарком и пыльном солнечном московском троллейбусе. Представляете, остановка – грохот заканчивается, объявление, двери открываются, тишина... Пронзительная.

Андреев собирается выходить, прощается... Вдруг Чеснов его окликает: «Слушай, Игорь (они ровесники), скажи, пожалуйста, а почем сейчас верблюды в Заире?»

Тот останавливается в дверях. Оборачивается. Долго секунды ошарашенно смотрит на Яна.

Представляете: московский троллейбус, и на весь троллейбус: «Почем верблюды в Заире?» Такая тишина!

Мгновение и в глазах его появляется хитринка:

– Ты знаешь, Ян, наверное, баксов по 50.

– Возьму, – говорит, – по 50.

И вроде как разговор закончен... Надо выходить! Но троллейбус стоит. Водитель не спешит закрывать дверь, он все слышит и понимает: люди о важном говорят.

– Но видишь в чем дело, Ян, – Андреев веселым голосом охватывает тишину троллейбуса, – ты только учти, если тебе там поджениться надо, то тебе нужен белый верблюд. Белого дешевле, чем за 150, ты не купишь.

– Сто пятьдесят?

– Не меньше!

– Ага...

– И потом, ты человек солидный, тебе надо минимум два. Ты же хорошую жену будешь брать?!.

– ...

Как вам картина?

Сидят наши российские женщины, мужчины в троллейбусе, захваченные жизненным разговором: два зрелых колоритных бородастых джентльмена обсуждают, почему верблюды в Заире, и как там недешево поджениться, и почему такая маята с белым верблюдом...

Вот так дополняют нас гости и, невольно подслушанные разговоры и события в жизни до целостности.

Андреев махнул рукой, вышел. Водитель закрыл дверь. Троллейбус задрезбужал, загрохотал. Пассажиры уже не смогли вернуться к своим книжкам, газетам и мыслям. Они исподволь смотрели на нас с Яном. Я это видел. И чувствовал, как на меня падают теплые лучи первого летнего солнца и свет славы, что исходил от Чеснова. Окружающие его увидели.

Есть такая фраза: человек на виду у всех. Вот за столом – все на виду.

Чем пьянка отличается от застолья?

Если послушать женщин, жалующихся на мужчин, которые «злоупотребляют», то, как правило, они восклицают: «Опять эти бесконечные пьянки!»

Чем отличается застолье и встреча за столом от пьянки, если говорить про метафизику водки? Тем, что у пьянки нет конца. Правда, вы можете заметить, что у любого запоя есть окончание. Да, это так, если разбирать клинику алкоголизма, но эта тема совершенно другая. У запоя есть конец, но физиологический – когда организм уже не справляется.

Так вот. У всего есть начало, середина и конец. Но, с другой стороны, мы должны понимать, что есть какая-то остановка в пути. Тот же Чеснов Ян Вениаминович, про которого я уже говорил, рассказывал: «Как-то иду я по одному абхазскому селу на Кавказе. Из дома выходит мужчина, останавливается и рукой перегораживает мне дорогу. Говорит: “Зайди, чтобы я человеком стал... Гостем будешь”. Я прохожу к нему во двор и по местному обычаю становлюсь гостем на три дня. Есть начало, есть конец. Меня принимают. Есть отдельный гостевой дом. Помещение, где я живу. Опять же все это сопровождается определенным ритуалом. Но тем не менее все равно есть начало и конец.

...Один гость задержался в чеченской семье несколько дней. Когда уходил, жена сказала мужу: “Какая у гостя спина красивая!”».

Если говорить про застолье, если говорить про метафизическое пространство, что возникает за столом, как бы мы его ни называли: духовным, психологическим, антропологическим, субъектным, этническим – у каждого есть то название, которое человек считает для себя приемлемым, в данном пространстве свои законы и время.

Мы уже коснулись пространства телесности, а сейчас мы обратим внимание на пространство сознания.

В нем либо человек остается, и тогда у него есть понимание, когда этот процесс должен закончиться, либо у него сознание отключается, и он попадает уже в пространство запоя или «пьянки».

Более того, если говорить про время в пространстве застолья и встречи, человеческой встречи, такой встречи, когда мы можем увидеть друг друга и понять, с кем мы имеем дело, то для этого за столом должно развернуться множество миров, прежде всего личностных.

Таким образом, третье измерение застолья – пространство личностей, которые здесь и сейчас начинают проявляться, разворачиваться.

Пространство личности – это социальный театр, который все наверняка не раз видели. Социальные (ролевые) типажи участников достаточно понятны. Всплывают какие-то личные обиды. Типичны роли старого холостяка или старой девы, «Дон Жуана», массовика-затейника... Об этом много написано в литературе, как

художественной, так и научной (социологической, психологической). Хорошие портреты социально-личностных развертываний за столом можете легко найти в Интернете, они неплохо представлены: вся эта драматургия описана достаточно живо.

Но есть и веяния сегодняшнего дня.

Во многих фирмах сейчас можно найти «печень организации». Приватизационные процессы зачастую просто проходили «на печени». Когда руководитель должен был решить для себя, продавать ему свое предприятие или не продавать, с ним надо было просто долго сидеть и пить, и в конце концов он на это решался.

Через эту самую «печень», компания и получала основную собственность. И, конечно, эта «печень» коллективом фирмы ценится очень высоко, потому что никому не хочется быть этой самой «печенью».

Но вернемся к продолжительности застолья: все «роли» должны быть сыграны. Зачастую это императив, который невозможно обойти: не всегда застольные личности находятся в «сознании» – рефлексируют себя.

При всей очевидности, не социальный театр определяет продолжительность застолья. Как правило, люди знают, когда все должно закончиться. Более того, у всех, кто приходит за этот стол, есть собственный примерный план пребывания за ним. Тем не менее за столом измеряют время не тем, сколько просидели, а тем, сколько осталось.

Да, есть столы состязательные у некоторых народов Кавказа. Кто встал по необходимости, вернуться обратно за стол не может уже. Поэтому сидят до последнего. Но это все особые случаи.

Все, кто отдает себе отчет, кто является вменяемым человеком, тот понимает, когда и почему он должен прийти и когда он вынужден уйти.

Опять же есть правила хорошего или плохого тона: не пришел – обидел.

Если надо уйти раньше, то уходят до пика празднования. Но это мы говорим про праздник.

Какое время за столом?

Но любой стол отчасти праздник – праздность. За столом рабочее, бытовое время останавливается. Человек вырывается из циклического годового, ежедневного времени.

Пора сказать, что есть циклическое время, есть сакральное время, есть линейное время, есть скальное (пещерное) время. Их много, этих времен.

Но вернемся к циклическому.

Циклическое – это то самое время, которое в хороводах описывается: как пахали, сеяли, боронили, жали... Это время оборота материальных ресурсов, денег, если говорить про менеджмент. Собственно, это то самое время, которое связано с оборачиваемостью денежных средств. То есть, сколько этих «оборотов урожая» можно собрать в течение года. И тогда застолье и праздник позволяют из этого циклического времени «высочить». Как минимум.

Циклическое ближе всего к обыденному времени, функциональному, жизненному. Поэтому, с одной стороны, время за столом конечно (финально), иначе это пьянка, запой. А с другой стороны, оно совершенно четко ограничено тем жанром, который мы собираемся за этим столом вместе пережить или организовать. То есть это либо 3 дня (во время «поминок по живому»), либо 2–3 часа.

Если говорить про общую практику, мы знаем, что если мы пришли в гости, но нам необходимо раньше уйти, то до ухода нам надо что-то успеть сделать за столом. И так, за столом какое-то другое время. Какое? Кроме того, что время останавливается, оно линейно и оно течет. Но течет в обратную сторону: не сколько просидели, а сколько осталось...

То есть оно идет в обратную сторону. Наверняка кто-нибудь из читателей служил в армии срочную службу. В армии что происходит? В армии время сначала идет так: сколько прослужил, 1-й год, 2-й, а как только дошел до «дембеля», последние полгода – считают сколько осталось месяцев, а со ста дней – сколько дней. То есть время начинает течь совершенно по-другому. За столом, с одной стороны, время остановилось, с другой стороны, оно переворачивается.

Еще есть, конечно, в армии время «от забора и до обеда». Но это другая история.

Как и сакральное время и пространство, но мы его разбирать тоже не будем.

А какой календарь за столом?

Интересно отметить, как себя ведет календарь.

Оказывается, что носителем календаря за столом становятся конкретные люди.

Все собрались, есть повод, что-то отмечают, начинают вспоминать: «А вы думаете, это просто Петрович? Нет. Петрович был тогда, когда...».

И оказывается, что каждый человек олицетворяет какое-то время или какое-то событие в этом витальном или организационном пространстве. И есть люди, которые понимают и «читают» других людей и видят этот календарь. И есть те, кто ничего не знает. И, не зная, они никогда не смогут понять ни того, почему данный человек находится в данной организации, ни того, почему он никуда из нее «не денется».

«Печень организации», конечно, понятно, что делает. Печенью никто не хочет быть, это и бросается в глаза, и читается сразу. Точно так же, как другие органы руководителя тоже бросаются в глаза. Иногда при первом же взгляде на организацию понятно, чем «болеет» руководитель. А глядя на руководителя, можно сказать, чем «болеет» его организация. Организационную диагностику можно провести через личность руководителя.

Получается «очеловеченный», персонифицированный календарь. Носителем такого календаря являются конкретные люди.

И тот, кто ведет застолье, начинает извлекать этих «духов» времени, носителей общей телесности и сознания, из небытия. Соответственно, есть те люди, которые это могут сделать, и это в их статусе, и те, которые этого не знают, не видят и не могут.

Как предложить выпить?

Итак. Сначала разворачивается общая телесность, она формируется. Второе – разворачивается общее пространство. В этом пространстве начинает появляться какое-то понимание, что все здесь

и что сейчас за столом празднуется. В этом же пространстве начинают появляться личности, которые понимают, куда они пришли и что они здесь делают. И разговор опять же вокруг бутылки.

Вообще интересно смотреть, как людей приглашают в застольное пространство.

Я как-то был в Белоруссии на охоте. Белорусское утро, 4 утра, зима, зимняя охота на копытных, печка белорусская, высокая сковородка, топленое сало, жареные шкварки, стопка блинов (уже хозяйка сделала на кислом молоке). Сидит хозяин, дед.

В руках у него «хоум мэйд» – четверть с самогоном.

Самогон он сам гонит. Наливает стакан. Стакан, можно сказать, «цыганский». В нем обычно семечки продавали на рынке в советское время. И думаешь: «Где ж ты, бабка, такой стакан взяла?». Непонятно, то ли стопка, то ли 200-граммовый. Ни разу я в магазине не видел. Я даже бабок донимал. Говорю: «Бабуль, где такой стакан можно купить? Продай». Она мне: «Нет». Я ей: «10 рублей дам». Она в ответ зло: «Низачто. У меня такой один. Он заговоренный, этот стакан».

Наливает дед охотничкам по стаканам, и в это время заходит сосед, и соседа приглашают сесть за стол. Он отказывается: «Нет, я уже завтракал». Тогда ему говорят: «Николай, уважься...». Он отвечает: «Не-е, я уже уважився».

«Уважься» – очень хорошее слово. Мне оно очень понравилось. Я нигде такого не слышал: человек заходит, на столе стоит и ему говорят: «Уважься!»

Это тебе не просто спросить, предложить: «Хочешь? – Выпей!» Или: «Налить?» Не говоря уже про хрестоматийно-советское: «Третий будешь?»

Что общего у застолья с Open Space?

Я уже рассказывал выше, что в 2006 году делал небольшой семинар во время международной конференции «Открытое Пространство» (Open Space).

Так как «Открытое Пространство» – это тоже развертывание событий во внутреннем пространстве большой группы людей, когда должна появиться общая телесность, общее понимание (кол-

лективное сознание), когда каждый начинает реализовываться, как какая-то личность еще недореализованная (обучающаяся, принимающая) или сверхреализованная (обучающая, дающая). Вообще, вдруг открывают какие-то специфические, отличные от обыденных возможности, где начинают происходить события, совершенно невозможные в обычной жизни.

Если сказать несколько слов про «класс» людей, которые приезжали, то Брайан Бэйбридж – это старейший оупенпейсер Австралии, священник. Из Канады приезжали шаманы. Из Норвегии – «городские» шаманы. Из Германии – психологи, управленцы и официальные экзорцисты. Практически все участники конференции отдают себе отчет, что они работают во внутреннем пространстве других людей.

Это были люди, работающие во многих ипостасях, поэтому, когда я начал рассказывать про водку и про то, как у нас, у русских, эта телесность, сознание, личность и воля развертываются за столом, то им было очень интересно.

Нужно, конечно, здесь обмолвиться еще об одном, уж если про сакральность все-таки что-то добавить.

Есть концепции творения мира. Разные. Но есть парные, альтернативные.

В частности, по одной концепции Бог «излился», а по другой концепции он «сжался». Собственно, в управлении тоже есть 2 фазы, когда руководитель, лидер, создатель миров (начальник, к слову, от слова начало, извините за тавтологию), как режиссер, «заражает» собой пространство. То есть он изливается. И потом, в какой-то момент он вынужден, если он хочет уйти из бизнеса, чтобы бизнес начал «течь своей собственной жизнью», должен сжаться, освободить это пространство для других.

Если проводить параллель с застольем, то за столом тоже есть фазы «вдоха» и «выдоха». Что читается проще всего и сразу? Если мы готовимся к празднику, то это, конечно, вдох. Идет вдох: пригласить, все купить, приготовить, прибратся, накрыть...

Все готово. Ждем. Выдох.

Сбор гостей, рассаживаются, все вместе помогают друг другу: наливают, передают, угощают... Общее пространство – вдох.

Затем первый тост, первая рюмка, вторая – тишина и звон ножей и вилок по тарелкам. Выдох.

Опять же те, кто должен выступить, выступают. Общее внимание – вдох. Выпили, местный разговор – выдох...

Потом, конечно, за столом что начинает происходить? Появляются какие-то отдельные малые группы, такая грануляция по интересам, начинает решаться целая куча проблем, обсуждаются идеи и т. д. и т. п. – выдох.

Увидели, как пространство дышит?

Как правильно ездить на фестиваль?

Как то, что мы заметили, обозначили, назвали, связано с менеджментом, с управлением? Как оно может быть с ним увязано?

Что такое врачевать? Врачевать – это врать, заговаривать. У меня был один коллега, который говорил так: «Теперь все то, что мы наработали, нам нужно научно оболгать». Как-то объяснить. Если говорить про искусство политики, про которое любил рассуждать Черчилль, то это искусство предсказания того, что должно случиться. А если предсказанное не состоялось, тогда искусство политика состоит в умении объяснить, почему это не произошло. При всей, на первый взгляд, несерьезности моего пассажира, но и то лишь на первый, можно сравнить бытовательское, культурологическое, психологическое, социологическое и предлагаемое описание.

О чем всегда модно говорить в менеджменте? Очень модно и сейчас, и вчера говорить про две вещи, традиционно пользующиеся спросом: это командообразование и лидерство. Про последнее много сказано, и, как сами «импортные» консультанты шутят, за последние 60 лет наговорили столько, что можно сделать всего лишь один вывод, что ничего толком по этому поводу так до сих пор и не сказали. Лидер, как пишут учебники, отличается от менеджера тем, что он должен «светить» вперед, каким-то фонариком освещая дорогу, мотивировать, звать людей куда-то. Я, конечно, может быть, чрезмерно утрирую, но тем не менее тема лидерства сводится к этому.

С точки зрения виртуалистики (www.virtualistika.ru), а именно ее концепт виртуального человека мы используем (реальности сознания, телесности, личности, воли, внутреннего человека), лидерство состоит в том, чтобы во всем этом хаосе, который возни-

кает за столом, когда у кого-то телесность общая сформировалась, кто-то еще в нее «не включился», у четвертого сознание плывет... из пятого субличность алкоголика «высочила»... – «достраивать» всех до целостности и формировать общее, разделяемое всеми будуще. И отнюдь не на уровне ролей: инициатор, адвокат дьявола (критик), доводчик и т. д. или компетенций. Поэтому много разного про лидерство говорят, но, как правило, потаенного не замечают. Водки мало пили.

Как-то одна собственница международных фестивалей мне сказала:

– Михаил Анатольевич, я послушала вас и теперь в командировки езжу только поездом.

– Почему?

– Раньше на самолет – и улетаала... Приезжаю и понимаю, что что-то не то. А что – никак не улавливала. А потом уезжаю с фестиваля – улетаю, прилетаю в Москву, и вновь что-то не так. А потом, послушав вас, сообразила, что, в общем-то, получается так, что я туда прилетела телом, а сознанием, личностью я еще в Москве. То есть я не на фестивале, а я еще на работе. А потом я «такая фестивальная» прилетаю в Москву и начинаю решать массу проблем. Но дела-то – не праздник! А теперь я «заряжаю телефон деньгами», чтобы по ходу, пока я еду в поезде, все дорешать-доделать по телефону. И постепенно приезжаю через 1,5 дня на фестиваль. У меня тело, мозги, душа выходят на платформу одновременно. Я приехала на фестиваль.

Смысл лидерства состоит в том, чтобы понимать, что телесность – отдельно, сознание – отдельно, личность – отдельно, а сакральное пространство, которое является поводом нашей встречи, это вообще, собственно говоря, четвертое.

Если руководитель во всех этих пространствах разбирается, он является лидером. Если он понимает что-то в личностях или в целях встречи, в целеполагании, а все остальное для него непонятно, то это, соответственно, просто менеджер по «чему-то», где «что-то» – объект управления, т. е. менеджер по управлению финансами, сбытом, производству... Всех собрать, всем рассказать, всех пьяных развезти, всех трезвых заставить пить – это просто менеджмент.

Лидерство как раз состоит в том, чтобы все пространства телесности, сознания, личности и поля внутреннего человека различать. Если человек этого не различает, то на русском языке его

называют «чудаком». К сожалению, в современном менеджменте (в его мейнстриме) об этом ничего нет. Ни в отечественном, ни в зарубежном. Функциональная ипостась, так же как и компетентностная, не исчерпывает всего человека и всего его бытия.

Вместо заключения

Командообразование и лидерство за столом, таким образом, состоит в осознанности и произвольности в управлении общими пространствами (мирами) телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека.

Если мы говорим про управление, это не значит, что это менеджмент, не значит, что мы можем преодолеть какой-то хаос жизни, потому что на то оно и застолье, чтобы были какие-то чудеса, чтобы случилось то, что не запрограммировано. В том числе и неожиданные гости, неожиданные тосты и выступления. Удивительные события и откровения. Надо быть готовым к сюрпризам: гость приходит из царства мертвых, приносит с собой 7 благ, 6 оставляет хозяину, одно забирает с собой...